

КРАСНЫЕ АРБУЗЫ

Оставляя позади необозримую степь, стрелковая рота переходила на новый оборонительный рубеж. Колонна солдат, утомленных боями и бессонными ночами, шла тихим размеренным шагом. Несли на себе оружие, боеприпасы и другое снаряжение. Полуденное солнце слепило глаза, расслабляло тело. Обливаясь потом, изнемогая от усталости, шли молча, грустные, задумчивые.

В строю красноармейцев шел и политрук Смерницкий. В трудные минуты он подбадривал солдат, учил быть сообразными, не расслабляться, настаивая, как вести себя в бою и на привале в минуты короткого отдыха.

Рота вышла на дорогу между полями и двинулась к Сталинграду. Вдруг кто-то из первых рядов произнес ободряющее слово: «Бахчи!» Колонна приостановилась, осмотрелась. Действительно, метра в двухстах от колонны виднелась бахча, привлекая внимание крупными арбузами.

И вот уже получено разрешение командира роты взять каждому бойцу по арбузу. Рота оживилась — все кинулось к бахче. Усталость отступила, словно не было пятикилометрового перехода.

— Товарищ командир, разрешите привал! — Кто-то робко, вполголоса спросил из второго ряда.

— Не разрешаю! Обед будет на новой линии обороны. — пояснил командир.

По колонне прошел ропот недовольства.

— Разговорчики! — повы-

сил тон командир и приказал. — Прибавить шаг!

С арбузами идти стало намного труднее. Кто имел вещевой мешок, арбузы сразу положил туда, а стальной прищельнул их в руках, прижимая к груди. Это скользящее движение, замедляло шаг, вызывало недовольство командира.

Спустя минут двадцать после пятиминутной заминки за спиной колонны послышался нарастающий гул самолетов противника.

— Воздух! — слышится новая команда. — Бегом, марш! И рота понеслась вперед, поднимая пыль солдатскими сапогами. Вражеские самолеты настигали колонну.

— Рота, враспыну! — гремит команда, — бросай арбузы, быстрее в окопы!

Арбузы летят в сторону, колются, раскрывая себе красное ароматное месиво. Солдатам теперь не до арбузов — как бы скорее успеть добраться до места новой обороны.

— Окопы рядом! — вновь слышится голос ротного, — все в укрытие!

А в это время самолеты врага уже парили над новой оборонительной линией. Средоточившись, один за другим они сбрасывали бомбы над самыми окопами. К счастью, рота, благодаря прозорливости и настойчивости командира, сумела вовремя укрыться в сколах.

От разрыва бомб и завывания сирен содрогалась земля, стонало небо, над головами со свистом и грохотом пролетали осколки. Прижима-

ясь к стене окопа, мы болялись пошевелиться, обмолвиться словом. Волна за волной пронеслись самолеты, сбрасывая смертоносный груз, а мы оставались живы и невредимы.

Минут сорок продолжалась бомбежка, а нам показалось, целая вечность. Спизжировав, последний 25-й самолет на бреющем полете прошел над окопами, обстрелял нас из пулемета и удалился на запад. Над оборонительной линией воцарилась тишина.

— Отбой! — прозвучал, наконец, голос командира. И окопы ожили, солдаты поднялись на поверхность, начали осматривать результаты, оказывать помощь раненым. Их оказалось трое, а убит один. Пострадали солдаты от прямого попадания бомбы в окоп.

— Повезло нам, ребята, — сказал ротный, — что было бы, если фашисты накрыли нас на голой степи!

Преодолев шоквое состояние, занялись делами. Закурили, повеяло махорочным дымом. Потом вспомнили о еде. Сошлись по отделениям и, у кого что было из снели, выложили на круг. Вот уже двое красноармейцев побегали и месту свалки арбузов и вскоре вернулись обратно, каждый неся по два крупных плода. Ох и вкусными они нам показались!

До контрнаступления Красной Армии под Сталинградом было еще больше трех месяцев.

Лавел ЛАЗАРЕВ,
участник Сталинградской битвы.